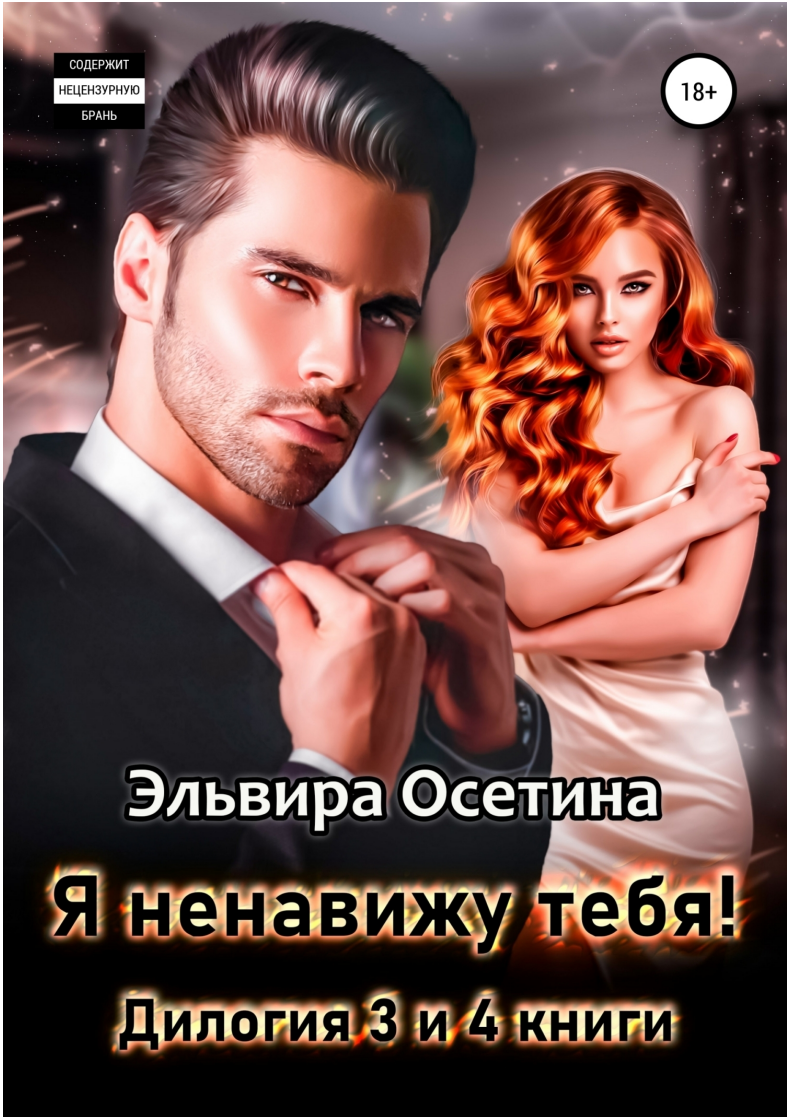

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Эльвира Осетина
Я ненавижу тебя!
Дилогия 3 и 4 книги

Эльвира Осетина

Я ненавижу тебя! Дилогия – третья и четвертая книги

Серия «Я ненавижу тебя!», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67153949
SelfPub; 2022

Аннотация

История сложных взаимоотношений трех пар продолжается.

Маша и Влад, какое будущее ждет их впереди? Сможет ли Маша вернуть свою прошлую жизнь – любимого мужа и дочь? Или же ее второе "я", так и не позволит ей это сделать? И как будет дальше вести себя Влад, если он уже понял, что женщина, так сильно похожая на его детскую "любовь", не просто жена врага и предателя, а нечто большее?

Геля и Михен. Эта парочка попала в непростую ситуацию. Геля прикована к кровати, как минимум на целый месяц по вине Михена, и полностью зависима от него. Что ждет их дальше? Как они будут сосуществовать вместе? И есть ли у них совместное будущее, или это просто роковой случай, и надеется на нечто большее, не имеет смысла?

Лина и Герман. Они совершенно не подходят друг другу. У них разные жизненные цели и планы. Но жизнь сводит их вместе

в совершенно неожиданный момент. Что ждет этих двоих? И есть ли у них общее будущее?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга третья	5
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эльвира Осетина
Я ненавижу тебя! Дилогия – третья и четвертая книги

Книга третья
Глава 1

Геля очнулась оттого, что какой-то рой пчел настойчиво жужжал у нее под ухом. Это жужжание было таким противным и надоедливым, что волей-неволей ей приходилось пробуждаться. Геле так и хотелось махнуть рукой, чтобы разогнать этих насекомых, что вздумали устроить у ее уха тусовку, но конечности почему-то не слушались ее. Оцепенение после сна было слишком сильным, и у нее даже голос подать не получалось, не то, что руками пошевелить.

А жужжание в ее голове постепенно начало трансформироваться в шипение.

«Наверное, это еще сон», – вяло подумала Геля и постаралась опять уснуть.

Но шипение стало превращаться в гул, а гул – в отдельные слова.

«Ангелина просыпайтес-с-с-сь", – наконец-то смогла расшифровать она это шипение, но проснуться, все равно, не получалось.

Голос становился все громче, и отчетливее.

«Ангелина вам нельзя спать, иначе вы можете никогда не проснуться, – увещевал он, – ну же, Геля, просыпайтесь».

Поняв, что голос мужской, да еще и не знакомый, Геля резко попыталась открыть глаза, и сесть, но чьи-то руки не позволили ей двигаться, а в глаза, словно песка насыпали.

– Успокойтесь, Ангелина, вам нельзя вставать, ваша нога на вытяжке, – сообщил ей голос, а тяжелая рука мужчины, лежащая на груди, так и не давала сесть.

Геля слабыми руками потерла глаза и проморгавшись, увидела незнакомца в белом врачебном костюме и синей шапочке.

– Кто вы, – попыталась спросить она, но вместо вопроса из ее рта послышались лишь сиплые звуки.

Голова нещадно болела и даже кружилась, в глазах всё двоилось и прыгало, и Геля никак не могла рассмотреть расплывающиеся черты лица мужчины и вообще вспомнить – кто он такой.

– Моё имя Виталий Дмитриевич, я оперировал вашу ногу, у вас сложный перелом лодыжки со смещением и вывихом, – он махнул рукой куда-то в сторону, и Геля перевела взгляд туда, куда указал ей Виталий Дмитриевич. Чтобы понять что там, ей пришлось приподняться на локтях, и как

только изображение перестало двоиться и прыгать в ее глазах, и Геля смогла рассмотреть, куда же это указал ей мужчина, то сразу же мысленно выматерилась, так как голос ещё не слушался её.

Её нога была в подвешенном состоянии на какой-то непонятной конструкции, с гирьками, а прямо из её кожи, измазанной зеленкой, торчали спицы.

– Ангелина, вся эта конструкция нужна для того, чтобы ваш перелом сросся правильно, и в будущем у вас не было проблем с ходьбой, – тут же начал объяснять ей хирург, увидев напуганный взгляд девушки. – Но вы не переживайте, вам повезло, у нас отличное оборудование, да и у меня большой опыт в таких переломах, и я могу вам ручаться, что если вы будете соблюдать все мои предписания, то мы сможем вас поставить на ноги уже через два месяца. Ну а потом, я посоветую вам отличный восстановительный центр, там, в течение месяца вас избавят от хромоты….

Геля больше не смогла рассматривать эту конструкцию, а голос врача опять начал трансформироваться в какой-то неясный гул. Она пока ещё плохо могла соображать. И даже толком не поняла, о каких двух месяцах шла речь. И единственное, что сейчас её беспокоило, так это собственные физиологические потребности. Ей элементарно хотелось в туалет и ещё пить, так как во рту была настоящая пустыня Сахара.

Виталий Дмитриевич понял, что Геля его уже не слушает

и, кажется, опять собралась уснуть, а это категорически было запрещено после наркоза, и он вновь начал её будить и легонько трясти за плечо.

– Пить, – только и смогла прокаркать Геля, не открывая глаз, – и в туалет, – шёпотом добавила она.

– Конечно, всё сейчас будет, – ответил ей Виталий Дмитриевич и, встав со стула, направился к двери, – только много воды вам нельзя, так, чуть губы и рот смочить, но постарайтесь не глотать, иначе вас вырвет. Анечка! – крикнул он в открытую дверь и опять вернулся к Геле, – сейчас медсестра принесёт вам воды и поможет сходить в туалет. Как только вам станет легче, я вас навещу, и отвечу на любые ваши вопросы, касаемо вашей ноги. Но глаза лучше держать открытыми, – добавил он.

И Геле пришлось открыть глаза, хотя спать все ещё хотелось очень сильно.

– Не переживайте, через три – четыре часа я разрешу вам поспать, но сейчас пока нельзя этого делать.

Геле понадобился целый час, чтобы заставить свой организм справить малую нужду в таком неудобном положении. Ещё и медсестра, та самая Аня, заглядывающая каждые пятнадцать минут, только усложняла эту не легкую задачу, не давая ей толком расслабиться. Геля и не подозревала, что настолько сложно подавить рефлексы, привитые с детства. О том, что она будет делать, когда захочет сходить не по малой, а по большой нужде, Геля старалась не думать. А ещё она

так до сих пор и не поняла, как относится к своей травме и о том, что сказал ей врач.

«Вопросы надо решать по мере их поступления», – мысленно подбадривала она сама себя, но на самом деле, была ещё слишком слаба, чтобы что-то сейчас решать.

Но были кое-какие и плюсы. За этот час, Геля более или менее смогла прийти в себя, и восстановить все события в своей памяти, что случились с ней до того, как она попала в больницу. И главное, она вспомнила, что домой-то так и не попала, а там, наверное, баба Вера себе места не находит.

Когда вернулась медсестра, Геля выяснила, что время сейчас три часа ночи, а доставили её в больницу, в одиннадцать вечера. Врач, посмотрев её рентген-снимок, сразу же решил делать операцию, так как побоялся осложнений.

«Мягкие ткани были повреждены изнутри костями. И поэтому медлить не стали, хотя обычно ждут, когда сойдёт отёк, но в этот раз, хирург побоялся рисковать. Уж очень ему снимок не понравился», – объяснила медсестра Аня.

Геля попросила у девушки телефон, чтобы дозвониться до бабы Веры, и кое-как вспомнив её номер, попыталась позвонить. Но трубку никто почему-то не брал.

– Может быть, она спит, а телефон на вибро-режиме? – робко спросила медсестра, когда Геля набирала номер уже в десятый раз.

– Да… наверное, – нехотя согласилась она с доводами девушки, и вернула ей телефон. Хотя сама все же не была до

конца уверена в том, что баба Вера смогла бы спокойно лечь спать, ведь Геля должна была вернуться домой примерно в час ночи, а раньше старушка всегда дожидалась её, даже если она задерживалась допоздна. Все равно в силу своего возраста, она страдала бессонницей.

– Скажите, а мои вещи…

– А Михен Валерьевич обещал, что утром все привезёт, – с энтузиазмом ответила медсестра и, улыбнувшись во все тридцать два, махнула рукой куда-то в сторону, по всей видимости, это у неё был неосознанный жест, – ай, да вы, не переживайте! Здесь вас всем обеспечат! И одежду удобную, и предметы первой необходимости – щётку зубную, пасту, полотенца одноразовые, влажные салфетки для тела, все-все выдадут. Михен Валерьевич оплатил вам VIP-палату, все включено! Считайте, что вы на курорт попали в шести-звездочный отель! – затараторила она, с преувеличенно радостными нотками в голосе, будто сама с удовольствием хотела бы побывать на месте Гели. – Я сейчас вам все объясню! Вы даже кино можете посмотреть! Вот! – и Аня выдвинула специальный столик, он находился с правой стороны от Гелиной кровати. Затем нажала на красную сенсорную кнопочку, находящуюся сбоку. И верхняя крышка столика разделилась на две половинки и разъехалась в разные стороны, а перед Гелей появился небольшой пульт управления – панель, а на ней кнопки, с символами.

– Если нажмете на эту кнопку, – начала объяснять девуш-

ка, – то можно отрегулировать вашу кровать. Но кнопочки для регулирования есть ещё и на подлокотниках, – и Анна указала пальцем на правый и левый подлокотники кровати, на которых сбоку тоже были мини-панельки из кнопочек. Она нажала на одну из кнопочек и верхняя часть кровати начала медленно подниматься в полу-сидячее состояние.

– Вот тут можно отрегулировать кровать, попробуйте сами, чтобы вам удобнее было, – продолжила объяснять медсестра, – а здесь открывается телевизионная панель. – Анна ткнула еще на одну кнопочку, и с еле слышимым звуком стена напротив Гели отъехала в сторону, явив перед ней большую телевизионную панель под потолком. – А это кнопка вызова персонала, – указала она на самую большую кнопку, находящуюся, как на панели внутри столика, так и на ее подлокотнике, с его внутренней стороны.

– Тут даже есть Окулус-Райс – Три – Д эффект, можно как фильмы смотреть, так и в игры разные играть… И звук тоже с Три – Д эффектом. Полное погружение!

У Гели округлились глаза от обилия информации. И ей стало дурно. Все же мозг до сих пор «плавал» после наркоза, и ей приходилось делать просто огромное усилие, чтобы понять, о чем говорит медсестра.

Анна оценив расфокусированный взгляд пациентки, поняла, что зря ее нагружает.

– Давайте я вам включу отличную комедию, а завтра, если будут вопросы, то еще раз все объясню, – доброжелательно

улыбнулась она, и нажала несколько кнопок на панели.

– Если надоест, просто нажмите вот на эту красную кнопку, оно само выключится, – улыбнулась девушка и отрегулировала Гелину кровать, чтобы ей было удобнее смотреть кино.

Геле же в этот момент опять сильно захотелось спать, но медсестра сделала звук громче.

– Вам нельзя пока спать, постарайтесь посмотреть хотя бы кино, а потом вам разрешат отдохнуть.

Геля слабо кивнула, и постаралась не закрывать глаза. Комедия и вправду оказалась смешной – это был старый французский фильм с Пьером Ришаром «Невезучие», и на удивление, Геля так засмотрелась, что и через десять минут уже не хотела спать. Мозг, правда и был еще немного в тумане, однако смеяться ей это не мешало. Хотя где-то на периферии своего сознания Геля чувствовала какое-то волнение, однако так и не смогла сосредоточиться, чтобы понять, что же не так, и что же ее так сильно беспокоит.

Как только закончился фильм, Геля выключила телевизор и даже смогла разобраться с регулировкой кровати.

В этот же момент заглянула медсестра и дала согласие на Гелин сон, хоть и предупредила, что через два часа все равно ее разбудит, так как в семь утра у нее капельница, и стандартный обход главврачом всех пациентов. Но Геля уже не слушала ее, вновь погрузившись в сон, который оказался очень тревожным.

Она куда-то бежала, с кем-то спорила и ругалась, пытаясь доказать свою правоту, потом видела много детей, которые играли во что-то, и это была больница, так как среди детей ходили взрослые в белых халатах.

Открыв глаза, Геля вздохнула с облегчением, почему-то сон показался ей знаковым. И от этого на душе стало неспокойно.

Буквально через пару минут появилась незнакомая медсестра со шприцом в руках.

– А где Анна? – нахмурилась Геля со сна, увидев шприц и незнакомую девушку.

Но она тут же добродушно улыбнулась:

– Здравствуйте, мое имя Ирина, я сегодня буду часто у вас перед глазами мелькать, теперь моя смена, а Аня ушла домой отдохнуть.

В шприце у Ирины по ее словам был целый коктейль из антибиотиков. Геля подозревала, что после такой дозы ей станет не очень хорошо, но медсестра объяснила, что без антибиотиков, после операции у нее может начаться воспаление. Из-за чего можно не только ногу потерять, но и жизнь. И Геле пришлось согласиться с доводами медсестры.

После того, как укол был поставлен, Геля опять попросила телефон. Было очень неудобно это делать, но гадский блондин с ее вещами так и не появился.

Улыбчивая девушка Ирина без проблем одолжила ей свой мобильник.

Время было уже полвосьмого утра и по подсчетам Гели, Инга должна была сейчас собираться в школу.

– Здравствуйте баба Вера, – начала Геля, как только в трубке раздался щелчок, но старушка ее тут же прервала.

– Ох, девонька… – запричитала баба Вера, а Геля мгновенно ощутила, как ее грудь сдавливает тисками застарелого страха, – Инга в больницу попала в реанимацию! Вчера на скорой увезли, я же тебе даже дозвониться не смогла…

– Как в больницу? Что? – скорее выдохнула, чем сказала Геля побелевшими от страха губами, так как внезапно поняла, что ей тяжело не то, что говорить, но и дышать. Страх смешанный с паникой запустили в ее кровь жгучий коктейль из гормонов, заставляя девушку цепенеть от ужаса.

– Отек Квинки, – почти всхлипнула женщина в ответ, – но сейчас все уже обошлось, ее перевели из реанимации, правда, если бы не ваш друг, Михен Валерьевич, я не представляю, как бы и справилась, он мне и рассказал, что ты тоже в больнице со сложным переломом, и тебе операцию сделали, ты как там Гелечка? – и старушка опять всхлипнула.

– Я… я…, – у Гели дыхание перехватило и в ушах зашумело от того, что ее ребенок сейчас совсем одна, среди чужих людей, в таком состоянии, и вновь эта проклятая аллергия! Но как?! Отчего?! Почему?! Откуда?! Вопросы так и зароились в голове брюнетки.

– Ой, девоньки мои, что ж вы так-то – обе в раз… – опять за охала баба Вера, – ты скажи, где лежишь, какая больница,

я сейчас чуть передохну, только домой вернулась. Инночка спит, врачи сказали, что, скорее всего, весь день еще проспит она, а я тогда к тебе пока съезжу. Тебе же нужна какая-то одежда, я сейчас все соберу! Вот только передохну чуток, а то сердце что-то расшалилось. И отцу твоему позвоню…

– Не надо! – вдруг крикнула в трубку Геля, как только услышала про отца.

– Да как же не надо! Пусть помогает, он же отец родной! Сколько можно от кровиночек открещиваться, я ему давно все высказать хотела! – в голосе женщины появились злые нотки.

Геля напугалась, очень сильно напугалась, отец обещал ей помочь с ипотекой, и Геля старалась ему как можно меньше докучать. А точнее не ему, а мачехе. И если сейчас она к нему попробует обратиться за помощью, то его жена, скорее всего не даст потом добро на то, чтобы отец выступил ее поручителем в банке. Ей оставалось всего полгода, чтобы наработать стаж и подать документы. А уж кто-кто, а Геля знала, как мачеха влияет на отца. И что может ему наговорить про нее. Такое уже случалось и не раз. Да, Геле было ужасно больно, что отец поверил ее сводным сестрам, и мачехе, а не ей… Но… какая теперь уже разница, когда столько лет прошло? Ей нужна была его помощь, и она была согласна на все, лишь бы заиметь свой собственный угол, а это значит, нужно как можно меньше мельтешить перед глазами у мачехи и сводных сестер, которые, так до сих пор и замуж

не вышли, хотя обеим уже по двадцать пять лет и нагло всем своим семейством сидят на шее у отца.

«Но они-то девочки хорошие, чистые в душе, умные, и ждут свою любовь, а не воруют деньги у отца, потом сбегают и не выскакивают замуж за первого проходимца, да потом еще и умудряются ему рога наставить с его лучшим другом!» – вспомнились злые слова мачехи, но Геля тут же подавила неуместные воспоминания и обиды.

Смысл обижаться, если все равно тебе больше не верят?

И все эти мысли очень быстро вернули ее на землю и заставили прекратить паниковать.

– Не надо, баба Вера! Не надо, ну что вы… И приезжать тоже не надо, вы отдохните, – быстро заговорила Геля, – я сама во всем разберусь, – правда она пока еще не знала, как, но была уверена, что точно разберется! – вы же всю ночь, наверное на ногах!

– Но как же…, – попыталась возразить старушка, – Михен Валерьевич сказал, что ты сама операцию ночью пережила…

– Баб Вера, ой, да эта плевая операция была! – Геля постаралась сказать эти слова как можно беспечнее, – я уже на ногах!

– Да?

– Конечно! – Геля даже улыбнулась в трубку, будто женщина на том конце могла видеть ее эмоции, – все хорошо, я сама со всем разберусь. Спасибо вам большое, вы не представляете, как я вам благодарна за помощь, но вы и о своем

здоровье подумайте, если сейчас и вы в больницу сляжете, то это ни к чему хорошему не приведет…

– Ну да… ты права, наверное, тем более, если ты уже на ногах, хотя Михен Валерьевич говорил, что у тебя перелом какой-то серьезный…, – в голосе бабы Веры сквозили нотки неуверенности.

– Ой, да обычный перелом! На костылях месяц похожу с гипсом, делов-то, – Геля даже умудрилась хихикнуть, лишь бы баба Вера и правда поверила, что все хорошо и не вздумала беспокоить отца, а Геля не собиралась всю свою жизнь прожить на съемной квартире, – все будет хорошо! Вы мне только расскажите, в какую больницу попала Инга.

И старушка, окончательно успокоившись Гелиным веселым голосом, объяснила, где сейчас Инга и даже поведала о том, что Михен оказывается, даже в платное отделение ее перевел, сразу после реанимации на вертолете и перевез.

Геля постаралась в этот момент, как можно дальше задвинуть все свои эмоции, сейчас не время, чтобы паниковать и истерить, сейчас она должна собраться, выслушать всю информацию, а потом выбираться из этой больницы. Она должна быть рядом с дочерью, она должна проследить, что у ребенка все хорошо, есть все нужные лекарства, хорошие врачи, и правильный уход. И с блондином она тоже позже поговорит. А перелом как-нибудь срастется, не беда, она потом с ним разберется, лишь бы с Ингой все было хорошо.

Стоило Геле положить трубку, как она сразу же потребо-

вала от медсестры, чтобы та немедленно привела сюда кого-то из врачей.

Девушка лишь кивнула и выскользнула из палаты.

Через тридцать минут появился чуть взъерошенный и немного заспанный хирург.

Геля вспомнила, что его зовут Виталий Дмитриевич.

– Здравствуйте Виталий Дмитриевич, – начала Геля, стоило мужчине открыть дверь.

– Здравствуйте Ангелина, – мужчина еле подавил свой зевок, – обход начнется в десять утра, так что у вас еще есть время отдохнуть и немного поспать, вы ведь ночью-то практически не спали, или вас что-то беспокоит?

Мужчина приблизился к ее кровати и тут же схватил ее за запястье, начав считать пульс.

– Я хочу, чтобы вы сняли эту конструкцию, и загипсовали мою ногу, я ухожу, – огорошила хирурга Геля, и добавила: – У меня дочь в больницу попала, в реанимацию, у нее отек Квинки, мне нужно быть рядом с ней!

Мужчина нахмурился, затем вздохнул, и опять нахмурился, внимательно вглядываясь в решительное бледное лицо девушки.

– Так…, – сказал он, затем взял кресло, подошел к кровати Гели и сел в него.

Виталий Дмитриевич за эти сутки прилег отдохнуть всего на один час, а его смена заканчивалась только через два часа, к тому же за смену он умудрился провести целых две

довольно сложных операции, и поэтому чувствовал он себя не очень хорошо, а точнее – спать хотелось просто зверски.

Нет, он не раз сталкивался с тем, что пациенты после операции сразу же собирались уходить домой, это была для него не новость. Причины были разные. И родные попадали в неприятности, а бывало и то, что пациент просто после наркоза еще не отошел и не понимал, что происходит. Поэтому собравшись с силами моральными и физическими, он посмотрел на девушку, и, вздохнув, заговорил:

– Ангелина, а кризис у ребенка миновал? Все обошлось?

– Да, – быстро заговорила Геля, – мне сказали, что она пока спит, но…

– Ангелина, подождите, – прервал он ее, – значит с вашим ребенком все в порядке, и врачи обязаны о ней позаботиться, понимаете, это их работа.

Геля взяла его за руку и посмотрела мужчине в глаза.

– Нет, в смысле да, конечно, но… вы не понимаете, ей сейчас очень плохо, она там совсем одна, она еще очень маленькая, ей всего девять лет.

– Ангелина, – улыбнулся хирург, хотя давались эти улыбки ему очень тяжело, – вам все равно не разрешат находиться рядом с ребенком, максимум позволят посещать два раза в день и все. Она же у вас уже взрослая. Так вы можете с тем же успехом и по телефону с ней поговорить. А всем остальным ее обеспечат.

– Нет, я должна быть рядом с ней! Она там совсем одна! –

в отчаянье выкрикнула Геля, видя, что врач совершенно не понимает ее метаний.

Виталий Дмитриевич, вздохнул и прикрыл глаза буквально на мгновение, понимая, что с этой стороны он ее не убедит, у девушки сработал материнский инстинкт, а когда вступают в свою силу инстинкты, особенно за жизнь потомства, то здравый смысл сразу начинает пасовать.

«Что ж, попробуем с другой стороны подойти», – мысленно решил для себя врач.

Он перехватил прохладную кисть девушки, слегка придавив ее к кровати, и строго посмотрел Геле в глаза.

– Вы понимаете, что если ваши кости, не правильно срастутся, то вы на всю жизнь можете остаться инвалидом и не сможете полноценно передвигаться?

– Да, – уверенно ответила Геля.

Хотя и мало что сейчас понимала, так как у нее в голове была на данный момент только лишь одна цель – это больница, где лежит ее дочь, и для этого она готова была сейчас ответить на любой вопрос «да» если это приблизит ее хоть на один шаг к Инге.

– И вы понимаете, что для того, чтобы освободить вашу ногу мне придется сделать вам еще одну операцию?

– Да! – опять с уверенностью ответила Геля, и на всякий случай добавила: – И я готова подписать любые бумаги, чтобы снять с вас ответственность, – и тут же нахмурилась, вспомнив, что на операцию-то она как раз и не давала согла-

сия.

Виталий Дмитриевич потер лицо ладонями, пытаясь хоть немного взбодриться. И решил действовать по стандартной схеме.

Он встал со стула и мысленно отстранился от всех эмоций и собственной усталости.

– Значит так, – начал он, – я сейчас подготовлю документы на операцию, и как только спадет отек, я ее сразу же вам сделаю.

Он вытащил из кармана записную книжку и начал ее демонстративно листать и что-то в ней читать.

– Думаю, – сказал он глядя в ежедневник, – это будет примерно через неделю, ага, я ставлю вас на…

– Что? – вскрикнула Геля, – как через неделю?! Мне нужно, чтобы вы сделали ее сейчас!

– Ангелина, – врач сделал вид, что удивлен ее выпадом, – я не имею права это делать! У вас должен спасть отек, вы посмотрите на свою ногу, – он кивнул на ее конечность, затем приблизился к Геле, и указал пальцем на те места, куда входили спицы.

Гелю замутило оттого, что она увидела. Оказывается, она подсознательно избегала смотреть на свою ногу, но сейчас врач заставил ее это сделать, и Геля почувствовала дурноту.

А хирург тем временем продолжил:

– Если я сейчас начну делать вам операцию, то не исключено, что из-за отека я могу повредить вам сосуды, а это чре-

вато серьезными нарушениями.

Геля сглотнула несколько раз вязкую слюну, и упрямо посмотрела в глаза Виталию Дмитриевичу.

– Я всю ответственность беру на себя. Я согласна на операцию прямо сейчас, только избавьте меня от этой конструкции! Я подпишу любые документы! – почти выкрикнула она опешившему врачу.

Мужчина явно не ожидал от нее такой реакции, обычно инстинкт собственного выживания сильнее материнского, и по его опыту пациенты сразу же успокаиваются, и даже самые упрямые соглашаются на выписку через неделю, а когда время подходит ближе к операции, в итоге отказываются, особенно, когда с ними поговорят несколько врачей и штатный психолог. Да и проблема с близкими к тому времени разрешается сама собой. Хотя подобные случаи вообще случаются крайне редко. Но эта женщина умудрилась удивить и испугать хирурга не на шутку.

По закону они не имели права ее тут удерживать силой. И если пациент требует сделать операцию и убрать все спицы, то они обязаны подчиниться. Но то закон, а то здравый смысл.

Оставить человека инвалидом? На всю жизнь? Да еще и выписав из практически самой лучшей клиники в стране?

– Нет, вы не пони…, – начал было он, но Геля не дала ему и слово сказать:

– Я все прекрасно понимаю! – в голосе девушки появи-

лись ледяные нотки, – а еще я прекрасно знаю свои права, и я отлично помню, что не давала вам разрешения на операцию, но вы мне ее сделали, и теперь сделаете другую! Избавите меня от этих чертовых спиц! Иначе я вас всех тут засужу!

У мужчины вытянулось лицо от удивления, вот судом ему еще никто не угрожал, нет, угрожали, конечно, но не в таких же абсурдных ситуациях? Но Виталий тут же взял себя в руки, и вновь попытался объяснить девушке, что сделать операцию сию минуту невозможно.

Однако он не подозревал, какой Геля может быть настойчивой. Она, спокойно выслушала мужчину, а затем таким же спокойным голосом начала говорить:

– Если вы сегодня не сделаете мне операцию и не снимите эту конструкцию с моих ног, поверьте мне, суд для вас покажется цветочками, ягодки вас будут ждать позже. Я работаю администратором в нескольких крупных группах в социальных сетях. И мне ничего не стоит закинуть несколько постов, о том, что в вашей клинике ведутся бесчеловечные эксперименты на бедных. Вы силой удерживаете пациентов, без их спроса делаете сомнительные операции.

– Но это же все чушь, мы можем легко все это опровергнуть, – усмехнулся врач, дивясь абсурдности ситуации.

– Какая разница, чушь это или нет, – холодной улыбкой ответила, Геля, ввергая тем самым хирурга в еще большее изумление, – я забросаю интернет подобными постами, мне это не сложно учитывая то, что у меня есть доступ админи-

стратора к огромному количеству сайтов. А, правда это, или нет, уже не будет иметь значения. Репутация вашей клиники пострадает! Это для меня самое главное. И в суд я тоже обязательно подам, если надо, выступлю по телевизору и изображу из себя замученную пытками жертву. Я уверена, у вашей клиники наверняка есть конкуренты, пойду к ним, расскажу свою страшную историю. Они мне обязательно помогут донести ее до масс.

– Но это же глупо и неразумно, – попытался привести последний довод ошарашенный хирург.

– Это вас не касается! – отрезала Геля совершенно спокойным и холодным голосом, чем-то напоминая всем своим видом Снежную королеву из детской сказки.

Виталий Дмитриевич какое-то время смотрел в глаза Геле, надеясь, что ее решимость угаснет, но нет, этого так и не случилось. И мужчина понял, что эта девушка слов на ветер не бросает, и если надо, она сделает все, что сказала.

Он первым отвел взгляд.

– Мне нужно подготовить операционную, а это займет несколько часов, – глухо ответил он ей, и, развернувшись, не смотря на Гелю, покинул палату.

Глава 2

Сказать, что Михен устал за сегодняшнюю ночь, значит и близко не подойти к значению этого слова.

Он и не подозревал, что так сложно договориться о лечении чужого ребенка, и сколько нужно задействовать связей в нашей стране матушке, чтобы на него не смотрели врачи, как на преступника. И даже слова Веры Сергеевны, женщины, что приглядывала за девочкой Гели, все равно их не утешали.

«Друг семьи, что это за звание такое?» – недовольно кривила губы главврач в детской больнице, куда на скорой помощи увезли девочку, и откуда Михен пытался забрать ее и перевести в платную больницу.

Мало того, что добиться встречи с этой женщиной было целым делом, так как она находилась дома и мирно отдыхала, так потом еще и битый час объяснять, кто он такой и почему требует, чтобы ребенка, у которого нет с ним родства, нужно переводить в другую больницу. Что уж говорить о том, что в платной детской больнице ему предстоял не менее тяжелый разговор с главврачом, и даже деньги и положение Михена не бралось в счет того, что ребенок был чужой!

И Михену ничего не оставалось делать, как поднимать с постели министра здравоохранения, и только лишь после его

звонка, что одному, что другому главному врачу больниц, он все же смог, добиться того, чтобы на вертолете девочку перевезли в нормальную больницу – в более лучшие, по мнению Михена, условия.

Естественно, после всей этой беготни и мороки, к утру мужчина готов был волком выть. Он в жизни так еще не напрягался и не уставал скорее морально, чем физически, как этой ночью. Даже во времена своей разбитной юности, когда дед лишил его наследства, он и то, так сильно не переживал.

И стоило ему доехать даже не до дома, а до офиса, в котором он иногда ночевал, и наконец-то прилечь, на свой диван и прикрыть глаза, как ему позвонил Гелин хирург и рассказал, что теперь еще и вредный ежик устроила истерику и наговорила такого, что даже у Михена невольно глаз задергался от всей той информации, что вылил на него разъяренный мужчина.

– В общем, так, либо вы в течение часа приезжаете и уговариваете сами эту…, – мужчина сделал паузу, явно для того, чтобы успокоиться и не выругаться в голос, и продолжил: – чтобы она дурью не маялась, либо я умываю руки и действительно назначаю ей операцию, накладываю гипс на ее ногу, и отправляю восвояси!

Последние слова он практически проорал в трубку и отключился.

Михен зашел в ванную комнату и помыл лицо холодной водой, чтобы хоть немного взбодриться и понять, что ему

делать дальше. Уже узнав Гелин характер, он понял, что она не шутит, и слов своих на ветер не бросает. Но и позволить ей делать то, что она собралась сделать, он не может.

Блондин вздохнул и набрал номер телефона главврача больницы Лисовского – Владимира Павловича.

Спустя десять минут разговора, Владимир Павлович, вздохнув, согласился на его предложение, но сразу же предостерег:

– Мне кажется, что вы совершаете ошибку Михен Валерьевич, но я не вправе вам указывать, и постараюсь помочь всем, чем смогу. Людей я к вам в дом отправлю, только пусть их там кто-то встретит, думаю, на все про все, уйдет не меньше дня. Мы дадим снотворное Ангелине, чтобы она спокойно проспала всю дорогу, но я вас сразу предупреждаю, Михен Валерьевич, что лучше, если за этот месяц вы придете к взаимопониманию с ней … – Владимир Павлович сделал паузу и глубоко вздохнув, продолжил: – иначе сами же потом пожалеете.

– Их встретят, – жестко ответил Михен, так как чувствовал, что его силы уже на исходе и ему надо срочно прилечь хотя бы часа на два, – не переживайте, главное, чтобы ваши люди создали комфортные условия. И я надеюсь, что медперсонал вы тоже выделите?

– Конечно, – коротко ответил мужчина, – к вечеру, мы уже сможем ее перевезти. Всего доброго, Михен Валерьевич.

Стоило врачу покинуть палату, как Геля откинулась на подушку и закрыла глаза от слабости. Те скрытые резервы, что, заставляли ее держать голову прямо и говорить, явно истощились, и силы ее закончились.

Она и сама от себя не ожидала, что так агрессивно будет нападать на врача, и в душе ей стало даже стыдно от собственных слов, ведь наверняка перед ней отличный специалист, да и человек, по всей видимости, сам по себе хороший. Ведь она видела, какой он уставший, а все равно с таким спокойствием пытался ей все объяснить. И все его доводы были верными.

Но в то же время она понимала и другую сторону этой медали.

Инга… Она была совершенно одна, где-то там, среди незнакомых людей. А Геля, по себе знала, как это, в таком возрасте оказаться в больнице, а к тебе никто не ходит, и нет, поддержи близких…

Нет… Геля не могла этого допустить… Ее маленькая девочка не должна остаться одна, ведь если Геля ее потеряет, то и смысла в этой жизни больше не будет. Маленькая Инга – всегда была ее путевым светлячком, якорем за который она продолжала держаться в этом мире. Только ради нее Геля дышала, что-то делала, к чему-то стремилась. Ее собственная жизнь ей давно уже стала не важна. И только лишь Инга помогала ей бороться и выживать.

Геля даже допустить мысли, что с ее ребенком, что-то мо-

жет случиться, не могла.

И ее решение ей казалось верным.

А с ногой, она как-нибудь решит, позже… Ведь это же всего лишь кость. Инга же читала где-то, что кости ломают и потом их вновь сращивают, если перелом неправильно срос-ся. Так что, ничего страшного, если надо будет, то еще раз пойдет на операцию.

Через несколько минут в палату вошла медсестра.

– Врач велел вам передать, что ваша операция назначена на вечер, – улыбнулась девушка.

Геля мысленно успокоилась – скоро она увидит свою дочь.

День прошел в ожидании операции и блондина. И если с первой было решено, то с последним было ничего не понятно. Михен так и не появился. И Гелю почему-то эта ситуация очень сильно напрягала.

Хотя она и пыталась себя успокоить тем, что в принципе Михен сделал все, что смог и не обязан бегать к ней в больницу. Даже об Инге позаботился, не говоря уж и о самой Гели. Вон, какую палату шикарную обеспечил. Геля интересовалась, сколько она должна будет за все хлопоты, но медсестра сообщила, что блондин все оплатил. А ведь он и не обязан был этим заниматься.

В течении дня Геля настолько сильно была загружена мыслями о предстоящей операции, Инге и даже блондине, что все остальное ушло на задний план. И неудобства с уткой, и то, что у нее не толком не получалось сменить позу.

А ближе к вечеру медсестра, что в течение дня за ней ухаживала, пришла с очередным шприцом в руках.

– Это успокоительное перед анестезией, – пояснила ей девушка.

И через пять минут Геля погрузилась в сон, а через час, уже летела на специальном вертолете, для перевозки лежачих больных в дом Михена.

Вот только ничего этого она не чувствовала и не понимала.

Очнулась Геля уже поздно вечером, и увидела в огромное панорамное окно во всю стену – заходящее солнце.

Она какое-то время, жмурясь, наблюдала за краем красного диска, заходящего за верхушки деревьев, пока не поняла, что видит эти деревья, как и огромное окно, впервые. «Вроде бы, раньше в палате было совсем другое окно», – как-то отстраненно подумала она и, повернув голову, посмотрела на свою ногу, которая была тщательно спрятана за какой-то странной конструкцией. Геля чуть приподнялась, опираясь на свои локти, и попыталась отодвинуть, эту самую конструкцию, ну или хотя бы понять, как это сделать, но кто-кто тут же прижал ее плечи обратно к кровати.

Геля с удивлением перевела взгляд на незнакомую хмурую женщину лет сорока в белом халате, удерживающую ее плечи.

– Простите? – прохрипела она, – вы кто?

Женщина тут же покачала головой в отрицательном жесте

и, убрав руки, показала на свой рот, и горло, и скрестив руки перед собой, опять покачала головой.

– Вы не можете говорить? – с удивлением поняла Геля, а женщина кивнула ей в ответ, и нажала на большую красную кнопку, находящуюся на подлокотнике у Гелиной кровати.

– Я ничего не понимаю, а мне операцию уже сделали? – еще раз спросила Геля, совершенно не чувствуя какой-либо боли или изменений, и опять попыталась присесть, но женщина вновь надавила обеими руками на ее плечи.

– Мне нельзя вставать? Когда придет врач? Меня выписывают? – начала забрасывать вопросами Геля женщину.

Но та пальцем указала на кнопку, а затем в воздухе начала перебирать указательным и средним пальцами, будто кто должен прийти.

Геля тут же успокоилась и перестала сопротивляться, решив, что видимо ей просто пока еще рано двигаться.

Женщина поняв, что ее подопечная ведет себя мирно и не собирается больше вставать, отошла и села в кресло напротив Гелиной кровати.

В ожидании врача Ангелина начала рассматривать новый интерьер, и с удивлением поняла, что палата теперь стала больше похожа на комнату и довольно приличных размеров, с отделкой в стиле «Хай-Тек».

Чего стоило это панорамное окно вместо стены?

– Меня что перевели в другую палату? – спросила она у женщины.

Но та в ответ, лишь приподняла брови в немом изумлении, будто, была удивлена ее вопросом и просто пожала плечами.

Геля вздохнула и решила дождаться врача. Какой смысл говорить с глухонемой. «Вообще конечно странно, что такого человека взяли на работу, ей же, наверное, тяжело, она никому ничего не может объяснить, как она вообще с врачами общается? – мысленно размышляла Геля сама с собой. – Хотя, какая ей разница, она все равно скоро уже покинет это место»

Вот только через несколько минут Геля осознала, что это место ей покинуть в ближайший месяц, как минимум, точно не удастся.

В комнату-палату вместо ее хирурга вошел Михен.

***

Маша зашла в свою квартиру, закрыла за собой дверь, и почувствовала, как подкашиваются ее ноги от усталости. Вот только усталость эта была не физическая, а скорее моральная. Она откинулась спиной на входную дверь и медленно сползла вниз, сев прямо в коридоре на пол. У Маши было ощущение, что она выиграла, целое сражение. Причем сражаться ей пришлось сразу с несколькими противниками. И с Солейко и самой собой, и даже с его странным секретарем, который вроде бы и ни слова не вставил за весь их диалог, но своим незримым присутствием так давил на нее своим взглядом, что Маше казалось, будто этот человек загляды-

вает в ее душу, и видит насквозь. А еще каким-то образом знает обо всех ее тайнах.

Она очень сильно удивилась, когда после того, как чудом ей удалось подавить желания ее второго я – убить Солейко, то тот буквально сразу же ее отпустил, еще и на машине предложил подвести до дома, хотя Маша и настаивала на такси.

Она назвала шоферу адрес своей квартиры, так как понятия не имела, где живет Влад. Благо они постоянно оставляли запасной ключ старушке-соседке живущей на пятом этаже, на всякий пожарный случай для Леночки, так как она уже как-то раз, нечаянно забыла ключ и до вечера простояла на лестничной площадке боясь позвонить родителям.

Вот и сейчас Маше повезло, ведь собственные ключи от дома у нее отобрал Влад и так и не вернул. Да и не только ключи, он все вещи и документы личные у нее отобрал, и всё, что было в ее сумочке. Как, впрочем, и ключи от машины, которая, скорее всего так и осталась стоять на стоянке у главного офиса.

А может уже и не стояла?

Маша понятия не имела…

С тех пор, как в ее жизни опять появился Влад, она словно почву под ногами потеряла. И даже сейчас находясь в собственной квартире, в которой несколько лет была полноправной хозяйкой, совершенно не ощущала никакой уверенности в этом.

Будто она и не человек вовсе…

А кто? Кто она такая? Маленькая Маша, закомплексованная толстая девочка в пластиковых очках, и со скобками на зубах… или все же взрослая женщина, которая совершенно не знает, что ей делать дальше?

– Сейчас я встану и хотя бы разденусь, проверю электронную почту, протру пыль, – прошептала она сама себе, не поднимая век, хотя совершенно не чувствовала сил даже на то, чтобы просто пошевелиться…

Маша попыталась зарыться пальцами в собственные волосы, чтобы немного сдавить горячую от мыслей голову, и увидела, как что-то пролетело перед ее глазами и приземлилось возле ног.

Посмотрев вниз, она увидела, что это визитка Солейко. Оказывается, она все это время с того момента, как он вручил этот кусочек картона ей, так и продолжала держать его в руке.

«Позвоните по этому номеру Мария в любое время дня и ночи, сообщите свое имя и вас соединят прямо со мной», – сказал ей мужчина на прощание, после того, как Маша в очередной раз сказала ему «нет», на его предложение выкупить ее контракт у Влада.

Правда она так и не поняла, к чему он устроил весь этот пафос – комната с кучей вещей и драгоценностей, завтрак в малой столовой, разговор возле этого огромного камина. Только идиот бы не понял, что мужчина, словно специально

выставлял перед ней всю эту роскошь на показ. Но потом, он почему-то так быстро ее отпустил? Хотя с другой стороны, может он просто привык так себя вести? И это его обычное поведение?

Но все же Маша, почему-то думала, что он не отпустит ее просто так, по крайней мере, она была уверена в этом с самого начала, как только он предложил ей выкупить ее контракт. Но все же Солейко удивил ее…

А может это просто игра? Может все не так и просто?

Но ведь ей в любом случае не понять всех этих маневров власть имущих…

Одно она вынесла из всей этой кутерьмы с Солейко – они с Сергеем оба пешки в их с Лисовским играх. Не верила Маша, что даже если и ее муж умудрился предать Влада, то наверняка его кто-то подговорил или вообще обманул…. Не могла Маша поверить в то, что Сергей не понимал, чем могло аукнуться все это дело не только ему, но и его семье! Ну не мог ее рассудительный муж, вечно все просчитывающий чуть ли не на несколько лет вперед, не подумал о таких серьезных вещах.

Маша уперлась локтями в колени, глубже зарывшись пальцами в собственные волосы. Она закрыла глаза, и постаралась собраться с силами.

– Хватит думать! – сказала она сама себе, а затем резко поднялась, и решительно пошла, переодеваться в домашнее, чтобы заняться делами, что скопились за все то время, что

она прохлаждалась у Влада.

На самом деле Маше просто хотелось забыться и сделать вид, будто ничего не случилось.

– Побег от реальности – это мой конек, – усмехнулась она сама себе, проходя мимо зеркала, и заставила себя поверить в то, что, проводила только что Лену в школу, а Сережку на работу.

И, как ни в чем не бывало, занялась домашними повседневными делами и работой.

Она старательно гнала от себя любые мысли, полностью сосредоточившись на мытье полов, вытирании пыли и выбрасывании испорченной еды из холодильника. И даже по привычке поправила съехавшие магнитики на дверце холодильника в определенном порядке.

После того, как вылизав всю квартиру до блеска, и закинув вариться курицу, Маша быстро почистила и порезала картофеля на суп, ополоснулась под душем и включила свой ноутбук. В конце концов, работу тоже никто не отменял. И она занялась почтой.

Писем за это время пришло очень много, и Маша начала переписываться с клиентами, и сослуживцами, а с некоторыми перешла на чат, удивившись, что Гели нет на месте. Подруга, практически всегда была он-лайн, но Маша даже порадовалась, что ее нет, иначе уже не смогла бы отвертеться от очередного допроса.

Она и не заметила, что по привычке сварила большую

порцию, рассчитанную на трех человек – себя, Леночку и Сережку. Ведь реальность для Маши померкла, и она даже поела с удовольствием, так как ощутила сильный голод, после уборки и работы.

Она умудрилась настолько отрешиться от насущных проблем, что даже занялась своей привычной работой в интернете – администрированием нескольких сайтов, групп в социальных сетях, и созданием макетов для одного из интернет-магазинов.

И когда прозвенел настойчивый звонок в дверь, а за ним и последовал грохот, будто кто-то пытается выломать саму дверь, то Маша даже подпрыгнула на месте, от неожиданности и у нее возникло ощущение, что она как Нео отсоединилась от матрицы в одноименном фильме братьев Вачевски. Слишком долго до нее доходило, что означают эти яростные звонки и грохот, а когда она все же поняла, кто же это пытается выломать дверь, то ей показалось, что на ее плечи вновь взвалили непосильную тяжесть.

Уже стоя в коридоре у Маше появилось огромное желание не подходить к двери, и как маленькая девочка спрятаться под кровать.

– Когда-то это уже было, – прошептала она, вспомнив, как однажды действительно пряталась под кровать от Влада, когда он в очередной раз пришел и долбился к ней в дверь.

Родители оба в тот день были на работе, а Машу попро-

сили присмотреть за бабушкой, чтобы та не натворила чего-нибудь. Такое иногда случалось, бабушка практически не реагировала на девочку, да и не требовалось от ребенка многого. Днем старая женщина вела себя очень спокойно, приступы были всегда по ночам, потому родители и не боялись оставлять на несколько часов бабушку вместе с Машей.

Вот и в тот день маленькая Маша осталась одна, а Влад, как обычно пришел и долбился в дверь, так как она улизнула из школы и не пришла по его требованию в тихое и безлюдное место.

Да… и такое случалось, маленькая Маша пыталась бунтовать. Хотя на следующий день Влад всегда отыгрывался над ней по полной программе, не давая ей прохода в школе.

Но тогда в детстве она могла себе позволить спрятаться под кровать, и постараться даже не дышать в надежде, что он уйдет. А вот сейчас, сейчас бы такой фокус не прошел. Маша прекрасно это понимала, но все равно трусливо втянула голову в плечи, сгорбилась, обняла себя руками, инстинктивно стараясь сжатья в маленький комок, от нахлынувших детских воспоминаний.

– Открывай, мать твою! – зарычал Влад на весь подъезд, – иначе я снесу на хрен эту дверь! Я знаю, что ты там!

Маша опять подпрыгнула на месте, и кое-как взяв себя в руки, понуро поплелась открывать.

Они влетели, как ураган, Маша еле успела отскочить и прижаться к стене, так как охрана Влада – несколько чело-

век, пронеслись мимо нее и начали бегать по всей квартире с оружием в руках, явно пытаясь кого-то найти. А Влад в компании нескольких человек так и продолжал стоять в подъезде, сверля ее злым взглядом.

– Чисто!

– Здесь тоже чисто!

– Чисто!

Послышались голоса мужчин, из разных комнат.

Маша же так и продолжала прижиматься к стене в коридоре, с удивлением наблюдая то за бегающими по ее квартире с оружием и каким-то непонятными приборами мужчинами, то иногда бросая взгляд на молчаливого и слишком мрачного Влада, все еще продолжающего стоять на лестничной площадке.

– Мария Николаевна, можно посмотреть одежду, в которой вы приехали? – Маша узнала говорившего с ней мужчину, это был начальник службы безопасности Лисовского – Герман Львович.

– Конечно, – тихо ответила она и пошла в зал. – Я сложила их в пакет, чтобы вернуть, – она подала пакет с вещами Герману.

– Здесь все? Или было что-то еще? – спросил он, аккуратно двумя пальцами вытаскивая вещи из пакета. – Может быть, еще было нижнее белье, колготки, заколки в волосах, драгоценности?

Маша невольно покраснела от таких вопросов, и уже хо-

тела возмутиться, наглостью мужчины, но тут же побледнела, вспомнив, что служба безопасности Влада могут и не такое вытворять по его указке.

– Я сейчас принесу, – поспешно сказала она и побежала в ванную комнату, опасаясь повторения личного досмотра.

Про нижнее белье она совсем позабыла, и автоматически, когда мылась в душе после уборки, стянула его, и закинула в корзину для грязного белья, сама же ходила в домашних розовых шортах с белыми котятами и удобной белой тунике с розовыми котятами.

Герман проследил за тем, откуда Маша вытащила нижнее белье и, заглянув в корзину, поводил внутри нее каким-то предметом, а затем так же двумя пальцами забрал у нее вещи из рук.

В коридоре показался Влад, когда Маша шла за Германом обратно в зал. Она резко замерла на месте от его ледяного взгляда.

– Собирайся, быстро, у тебя пять минут! – отчеканил он приказным тоном, и сразу же потеряв к ней интерес, прошел за своим начальником СБ в зал.

Глава 3

Стоило Геле на пороге увидеть вместо доктора, Михена, как все кусочки пазла сложились в ее голове мгновенно. Она с самого детства обладала неплохим аналитическим мышлением, и щелкала любые головоломки с легкостью.

И эта головоломка оказалась для нее не такой уж и сложной, к сожалению.

Все же больница есть больница, хоть и платная, и в палатах всегда есть какие-то определенные детали и мелочи говорящие сами за себя. Да хотя бы тот специфический запах, вечно витающий в коридорах, даже самой дорогой клиники, от него избавиться невозможно, ибо это элементарная дезинфекция.

А проснувшись в этой комнате, Геля вместо обычного «больничного» запаха ощутила запах свежести со слабыми нотками каких-то цветов. Потом сама обстановка комнаты, ее нога, которая так и не шевелилась, и глухонемой персонал, что вообще нереально в условиях любой больницы.

Не сложно догадаться, что операцию ей так и не сделали, но вот в то, что она уже не в больнице, Геля пока еще не верила, но подозрения уже грызли ее.

Все же перевезти человека в ее положении довольно сложно, если ты конечно, не богатенький эксцентричный извра-

щенец можорик. Геля почувствовала, как ее спина покрывается холодным потом, ведь неизвестно, что он сделает с ней, пока она в таком беззащитном состоянии находится, она же даже драться с ним не сможет, да и Инга неизвестно где.

Геля сглотнула вязкую слюну, страх своими жадными щупальцами, начал заползать в ее сердце, когда ее догадка косвенно подтвердилась, и в комнату вошел, чертов блондин.

– Можете быть пока свободны, Лидия Дмитриевна, я вас позже позову, – сказал Михен женщине, немного уставшим голосом, и та, кивнув в ответ, быстро удалилась.

Мужчина, с легкостью подхватив кресло, стоящее в углу комнаты, поднес его к кровати Гели, и сев в него, пристально посмотрел в ее глаза.

Как не пыталась, но Геля не смогла скрыть в своем взгляде тревоги. Она прекрасно понимала, что нельзя показывать свою уязвимость таким, как этот, но из-за неизвестности о том, что с Ингой, у нее никак не получалось взять себя в руки и как и прежде включить режим стервозной дуры. Да и получалось, что если ее догадка верна, и она действительно оказалась на территории блондина, то ей уже никто не сможет помочь. И истерить сейчас, пока она в этих тисках нет смысла, и более того, чревато очень большими проблемами, и не только для нее, но и для ее дочери.

Михен нахмурился, ему совершенно не понравился Гелин тревожный взгляд. Уж что-что, а пугать он ее уж точно не хотел. Все же боевой взгляд ежика, ему нравился больше,

чем затравленный.

Он постарался, как можно мягче улыбнуться ей:

– Ангел, из-за того, что ты перепугала весь персонал клиники Лисовского, мне пришлось забрать тебя к себе домой, – начал он, подтверждая догадки девушки, и тем самым ввергая ее в ужас, быстро перерастающий в злость и даже ярость.

«Ах ты ж сукин сын!» – чуть не воскликнула она, но тут же прикусила себе язык, вспомнив об Инге. Злить блондина она не могла, так как прекрасно понимала, что полностью в его руках. Да и не известно, что ее ждало саму здесь на его территории. Однажды побывав в руках одного такого же подонка и садиста, ни на что хорошее она уже не надеялась. Там в больнице было много посторонних людей, и у Гели был шанс выбраться оттуда без проблем, вот она и вела себя так вызывающе. Но здесь, на его территории, она была абсолютно беззащитной, и Геля тут же поникла, и отвела свой взгляд.

Михен увидев вспыхнувший взгляд девушки, уже напрягся, ожидая от нее взрыва, но спустя несколько мгновений, словно что-то решив для себя, и явно не очень хорошее и далеко не в пользу блондина, Геля отвела взгляд и вся скукожилась, будто только что узнала, что кто-то умер, как минимум.

– Это всего на один месяц, пока ты лежишь на вытяжке, но когда тебе сделают операцию и снимут спицы, то ты будешь полностью свободна, – тут же попытался хоть как-то ободрить ее мужчина.

– Месяц? – тихо спросила Геля, так и не смотря на Михена.

– Да, скорее всего не больше месяца, мы сделаем через месяц рентген, и если хирург даст добро, то тебе сделают операцию, и наложат на ногу гипс.

– Я хотела бы поговорить с дочерью, – таким же непривычно тихим голосом спросила Геля, так и не поднимая своего взгляда.

Михен посмотрел туда же, куда и смотрит девушка и опять нахмурился. Она растеребила ногтями на пальце заусеницу до крови, похоже даже не заметив этого. Блондин скривился и автоматически, даже толком не задумываясь над своим поступком накрыл ладони девушки своей рукой, от чего она тут же вздрогнула.

«Б*ять!» – мысленно выругался мужчина, видя то, как реагирует на него девушка. Уж лучше бы кричала и материлась, чем вот так вот тихо калечила сама себя, да еще и боялась его.

Михен все же не стал убирать свою руку, а тихонько сжал Гелины пальцы.

– Заразу занесешь, будут потом болеть, – тихо сказал он ей, как раненому животному, лишь бы не спугнуть.

А ведь Геля действительно была похожа на раненое напуганное животное, переживающее за свое потомство. И защищаться она могла так, как умела. Михен уже понял, что она живет совсем одна с ребенком, да еще и на съемной квар-

тире. А та старушка, баба Вера, была единственным человеком, которая переживала за Гелю, как за собственную дочь.

Когда Михен спросил у женщины: «Если ли у ребенка какие-нибудь родственники?», то старушка в ответ лишь с горечью махнула рукой: «Есть-то они, есть, вон отец у Гельки, да толку от него…. Даже говорить не хочется…»

У Михена тогда не было времени понять, почему на Гелиного отца нельзя положиться, но сейчас у него целый месяц впереди, чтобы все узнать об этой женщине. А блондин вознамерился именно это и сделать.

– Так что насчет Инги? – переспросила Геля, замерев и не двигаясь.

– Уже поздно Гель, они спать в девять вечера там ложатся, давай завтра с утра?

– Хорошо, – неожиданно спокойно согласилась девушка, – когда я смогу переговорить с лечащим врачом моей дочери?

– Тоже завтра, – ответил Михен, и почувствовал, как Геля начала убирать свои руки, но ему не хотелось выпускать ее. Почему-то сейчас ему хотелось, чтобы Геля перестала его бояться, и поэтому блондин чуть сильнее сжал ее пальцы, чтобы она привыкала к нему.

Геля тут же оставила попытки отодвинуться от мужчины, и напряглась еще сильнее.

– Эта женщина, – Геля кивнула в сторону двери.

– Лидия Дмитриевна, – подсказал Михен, и начал осто-

рожно поглаживать холодные пальцы девушки, от чего она еще сильнее напряглась всем телом, и словно похолодела внутри, что Михену даже показалось, будто воздух вокруг нее заискрился инеем.

– Эта женщина, – геля шумно сглотнула, – Лидия Дмитриевна, она глухонемая?

Ей совершенно не нравились прикосновения блондина, они сильно сбивали ее с толку, и она никак не могла сконцентрироваться, ожидая от мужчины, самого худшего. Да, когда-то давно она была привычна к боли, все же прожить с садистом целый год и не приучить себя и свое тело к неизбежному получалось, но прошло уже слишком много времени, чтобы Геля вновь смогла стерпеть такое. И сейчас она реально боялась, настолько сильно, что с трудом умудрялась сдерживаться, чтобы не всхлипнуть от ужаса. Нет, в принципе, вообще, прикосновений она не боялась, так как инстинктивно понимала, что может отбиться, да и научилась она звать на помощь посторонних, в случае проблем, но здесь и сейчас осознав, что она полностью во власти очередного подонка… Это выбивало девушку из колеи напрочь… и застарелый страх возвращался, заставляя ее полностью терять самообладание.

– Нет, – ответил Михен, еще сильнее хмурясь, видя то, как реагирует на него девушка, – просто у нее проблемы с голосовыми связками. Несколько лет назад у Лидии Дмитриевны был рак гортани, и после операции повредились связки,

поэтому женщина полностью потеряла голос. Работать полноценно в больнице она уже не может, поэтому ее вызывают только медсестрой сиделкой. Да и ты, настолько сильно всех в больнице перепугала, что работать с тобой никто не захотел.

Михен постарался улыбнуться, как можно хитрее, чтобы хоть немного развеять напряжение между ними, но у него, похоже, очень плохо получилось это сделать, так как Геля все еще была напряжена ничуть не меньше, чем струна на его любимой гитаре.

– Понятно, где моя сумочка? – задала Геля следующий вопрос.

– Зачем тебе? – удивился блондин.

Геля опять еле сдержалась, чтобы не ругнуться матом на тупого мужчину, или делающего вид, что он тупой?

– Там мой телефон, ключи от дома и машины, документы, – перечислила она чуть дрогнувшим голосом, так и ни разу не взглянув на Михена.

Геля боялась, что если сейчас посмотрит на этого гада, который думает, что он пуп земли, и вершитель судеб, так как умудрился, притащить ее в таком состоянии к себе домой, не спросив ее мнения на этот счет, то не сдержится и попытается выцарапать ему глаза. Но она прекрасно понимала, что у них разные весовые категории, и своим выпадом, максимум, на что она нарвется, так только лишь на его злость.

Михен убрал все-таки свою ладонь, и сразу же недоволь-

но поморщился от того, что услышал облегченный вздох девушки, но постарался спрятать свои эмоции, за смачным зевком, так как в глазах Гели опять промелькнул страх.

– Ну, во-первых, после того, что ты наговорила хирургу, – нарочито веселым голосом начал он, – я был бы последним идиотом, если сейчас отдал тебе телефон. – Михен приподнял одну из своих темных ухоженных бровей и, ухмыльнувшись, продолжил: – В твоих руках Ангел, эта вещь, не просто обычный мобильник, а самое настоящее оружие массового поражения.

Геля не выдержала и смерила блондина убийственным взглядом, но затем, спохватившись, тут же отвела глаза в сторону, вновь постаравшись успокоиться. Хотя видит бог, с каждой минутой ей приходилось все больше и больше прилагать усилий, чтобы держать свой взрывной характер в узде. Умом она понимала, что сейчас не имеет права вести себя, как неразумная девчонка, но одно дело понимать это, и совсем другое выполнять, то, что должно. Все же Геля за эти годы уже отвыкла быть пай девочкой. Жизнь заставила ее сильно измениться.

Наверное, те, кто знали ее, буквально десять лет назад были бы в шоке. Вот только Геля не спешила общаться со своими старыми знакомыми, хоть уже и давно вернулась в родной город. Все же Москва слишком большая, чтобы даже нечаянно пересечься с кем-то из ее прошлой жизни.

– Что же касаемо твоих документов, и ключей от кварти-

ры и машины, – продолжил блондин, – то я сильно сомневаюсь, что в ближайший месяц, пока ты находишься в таком состоянии, в моем доме, они тебе вообще могут понадобиться.

Геля не выдержала и, горько хмыкнув, прикрыла глаза, а руками сжала одеяло с такой силой, что ей даже больно стало.

«Лишь бы не вспылить, лишь бы не набросится и не выцарапать его наглые красивые глаза!» – как мантру, начала она повторять мысленно сама себе.

Увидев такую реакцию девушки, Михен даже вздохнул спокойнее. Его порадовало, что Геля начала с режима «тихая мышка» переключаться в режим «колючего ежика». Хотя режим фурии ему не хотелось бы увидеть. Его ангел в этот режим входит очень легко, а вот отключает его с большим трудом.

«Его»…

Почему-то он автоматически уже считал, что Геля принадлежит ему… И Михен мысленно усмехнулся сам себе.

«Вот ведь размечтался баран! Неужели опять решил наступать на одни и те же грабли?»

Но с другой стороны, что такого страшного он подумал? Сейчас Ангел находится в его доме под его опекой, и пока это будет так, то он имеет полное право называть эту женщину своей!

Такое объяснение самому себе, понравилось мужчине. К

тому же все эти мысли пролетели в его голове буквально за доли секунды, и он поспешил успокоить своего Ангела:

– Я клянусь тебе, – стараясь, как можно больше искренности и уверенности вложить в свой голос, начал он, – что как только врачи позволят тебе снять эти спицы и крепления, сделав операцию, я отдам все твои вещи, мне они совершенно ни к чему, и ты сможешь вернуться домой, хотя я бы предложил тебе остаться у меня на весь восстановительный период, ведь тебе еще целый месяц придется ходить в гипсе, а потом месяц заново учиться ходить.

Но Геля вообще никак не отреагировала на его слова, так и продолжая полулежать с закрытыми глазами, в очень напряженной позе.

Михен опять глубоко вздохнул, нагнулся вперед, уперевшись локтями в собственные колени, и потер лицо ладонями. Он так и не смог, как следует выспаться. Утром, после разговора с хирургом и распоряжений насчет приготовления комнаты для Ангела, прикорнул всего на один час, а затем ему пришлось заниматься рабочими вопросами, теми которые, кроме него, как оказалось, никто не мог решить. Уже вечером, безумно уставший, идя на разговор с Гелей, он вдруг мысленно задал сам себе вопрос: «Нахрена он платит всей этой прорве администраторов и директоров, если все равно сам в итоге все вопросы и решает?»

– Послушай Геля, я тебе не враг… я…, – начал было он пытаться оправдать свой поступок, как Геля прервала его.

– Вот интересно, – начала она, наконец-то взглянув на мужчину, – а почему ты не боишься, что когда я уйду из твоего дома, то не сделаю всего того, что пообещала хирургу, за то, что ты меня похитил?

– Может быть потому, что ты поймешь, что я сделал это ради тебя? – совершенно искренне ответил блондин, чем ввел Гелю в некий ступор.

Она даже рот открыла от неожиданности, так как уже собиралась словестно сражаться с мужчиной, потому, что думала, что он сейчас начнет ей угрожать и сыпать всеми известными и неизвестными карами, а может и глумиться. Кажется она была уже готова к самому худшему из вариантов, а он… он…

Геля закрыла рот, сглотнув набежавшие слюни, а в дверь в этот момент вошла медсестра, толкая перед собой тележку с едой, развеивая возникшую неловкую паузу.

Женщина, как-то хмуро, и даже, как показалось Геле, немного с вызовом глянула на блондина, и она уже подумала, что сейчас тот начнет включать богатенького ублюдка и показывать свою скотскую натуру, отчитав женщину, что та прервала их разговор, однако блондин опять поразил ее своим поведением.

Он тут же вскочил с кресла, и, подбежав к Лидии Дмитриевне начал помогать ей с тележкой. Докатив ее до Гелиной кровати, он убрал свое кресло обратно в угол, затем с нижней части столика, достал пластмассовый специальный

мини-столик и поставил его перед ошарашенной девушкой.

– Ну, думаю, дальше вы сами разберетесь, а я завтра зайду, – пробормотал он, и быстрым шагом, практически сбегая покинул комнату, аккуратно прикрыв, за собой дверь.

Тем временем, медсестра начала споро раскладывать на столик перед своей подопечной столовые приборы. И Геля уже хотела отказаться от еды, так как совершенно не ощущала голода из-за стресса, но стоило Лидии Дмитриевне открыть крышку кастрюли, как от запаха куриного бульона Гелин живот заурчал на всю комнату, а рот стремительно наполнился слюнями. Оказывается, она была безумно голодна!

После легкого, но сытного ужина, не без труда, девушке опять пришлось проделать не очень приятные, но естественные процедуры.

А еще Лидия Дмитриевна предложила знаками Геле почистить зубы и подмыться на ночь. Эта процедура оказалась вполне сносной. Было видно, что сиделка профессионал. И через пару часов Геля ощущала себя вполне чистой, сытой, и даже немного успокоившейся.

Вот только, когда медсестра принесла очередной шприц с неизвестной жидкостью, Геля все же взбрыкнула. И наотрез отказалась давать руку женщине для укола.

Слишком часто, последнее время, она после таких уколов засыпала, а после пробуждения ее ждали не очень приятные новости. Но медсестра опять удивила Гелю и, вытащив блокнот начала писать.

«Кажется, в этом доме меня все удивляет», – отметила для себя девушка, но тут же с негодованием отринула от себя глупые мысли, – еще не хватало ей расслабиться и потерять бдительность! Потом опять будет слишком больно и не только физически…

После долгого ожидания, когда Геле уже даже стало любопытно, что за сочинение пишет ее сиделка, та все же дописала и наконец, отдала ей почитать.

Оказывается, в своем послании женщина подробно перечислила, что за смесь находится в ее шприце, и даже написала она все это более-менее сносным подчерком. А это были антибиотики, обезболивающее и опять же снотворное. К тому же она описала для чего все это нужно и, дочитав послание до конца, Геля все же согласилась, что без этих лекарств она не скоро станет на ноги и покорно подала руку.

А через тридцать минут, в своем кабинете, через камеры видео наблюдения Михен наблюдал, как его Ангел спит беззаботным сном.

Врач предупреждал его, что первые десять дней из-за обезболивающих и антибиотиков она будет очень много спать. Но вот позже, когда ей придется прекратить принимать лекарства, то Геле будет совсем несладко, и в тот момент блондину потребуется очень много сил и нервов, чтобы постараться помочь ей преодолеть этот сложный период.

Кроме того, Владимир Павлович посоветовал Михену обратиться к хорошему специалисту-психологу, если ему дей-

ствительно важна судьба девушки, и проконсультироваться с ним по поводу нее. Потому что у Ангелины явно не все хорошо с нервами и психикой, раз она так относится к собственному здоровью, и это может очень плохо сказаться на ее дальнейшем выздоровлении.

И на завтра на утро блондину уже предстояло встретиться с этим психологом.

Михен с удивлением продолжал разглядывать умиротворенное лицо девушки с темными кругами под глазами, и слегка подрагивающими во сне ресницами, пытаясь понять, что он ощущает в этот момент, и почему вообще все это затеял? Но так ничего для себя и, не решив, все же понял, что ему просто катастрофически необходимо отдохнуть, иначе он рискует уснуть прямо в своем кабинете, или додуматься черт знает до чего.

Глава 4

Маленькие капельки подрагивали на стекле, шумно обсуждая какие-то события со своими товарками, и от этих эмоций их овальные тела не могли спокойно усидеть на месте, а когда к ним присоединялись новые, такие же мелкие мокрые и холодные близнецы, выжатые из серых туч, нависших над городом, то они объединялись в маленькие лужицы и, действуя под всемирным законом притяжения, скатывались вниз к оконной раме.

– Ты долго собираешься тут сидеть? – голос Влада раздался так неожиданно, что Маша увлекшаяся наблюдением за очередным осенним дождем, в вечно мокрой Москве, даже не услышала, как он подошел к ней, и поэтому вздрогнула.

Но поняв, что это Влад, она отрицательно покачала головой.

– Идем.

Он взял ее за руку и повел к кровати, но сесть так и не дал, зато сел сам и поставил Машу перед собой.

Она с удивлением посмотрела на мужчину, совершенно не понимая, чего он от нее хочет. То вообще не обращал на нее никакого внимания, чтобы она не пыталась ему сказать, еще находясь у себя в квартире, и потом, уже по дороге в его особняк, он опять-таки продолжал ее игнорировать, словно

ее и не было рядом. Хотя нет, реагировал, если его неизменный рык: «Я занят! Позже поговорим!», можно назвать хоть какой-то реакцией? Но стоило только машине остановиться у крыльца особняка Лисовского, то Влад проявил просто небывалое нетерпение, и с такой силой дернул Машу за руку, когда она только попыталась выйти следом за ним, что она еле удержалась на ногах. А затем с не меньшей скоростью потащил ее в дом, будто они, как минимум на пожар торопились. Маша думала, что все же рухнет прямо на лестнице, когда Влад в очередной раз с силой дернул ее за руку, ведя в свою комнату.

И, как и следовало ожидать от параноика Лисовского, уже зайдя в комнату, он собственноручно раздел ее догола, и устроил обследование всего ее тела.

Что он там искал? Маша так и не поняла, хотя на тех синяках, что он сам оставил ей, кажется, задержался ненадолго, и Маше даже показалось, что в его глазах что-то мелькнуло… вина? Да нет же…. Она сама себе в тот момент усмехнулась (естественно, только мысленно) – этот человек не способен на раскаянье.

Позже он отправил ее в уже приготовленную ванную и оставил наконец-то одну. Чему Маша очень удивилась. Так как обратила уже внимание, что у Влада есть пунктик по поводу совместных омовений.

Она не стала долго плескаться, тем более что ванная была практически близнецом той самой ванной, в которой она

когда-то выясняла отношения со своим вторым «Я». И Маше очень сильно не хотелось вновь общаться с маленькой Машей, так как она чувствовала, что на этот раз, не сможет сдержаться и натворит, что-нибудь по-настоящему нехорошее. Все же нервы у нее не железные, и Маша чувствовала, что на сегодня, сил сдерживать все свои накопившиеся эмоции у нее практически не осталось.

Но слава Всевышнему, маленькая Маша не стала высовываться, словно ей вообще было наплевать, что ее рыцарь на белом коне все же приехал за ней…. Хотя и сделал это, когда она сама уже смогла «договориться с драконом» и благополучно вернуться домой.

В ванной Маша нашла теплый халат, что удивительно, ее размера, и даже розового цвета в ее любимых белых котиках. Она вышла из ванной, и ее привлек широкий подоконник, на котором она и расположилась в ожидании своего хозяина. А в том, что хозяин скоро явится и наверняка еще что-нибудь выкинет, она не сомневалась. Но отвлечься хоть как-нибудь от плохих эмоций она имела права.

Пока в Машиной голове мелькали воспоминания прошедших пары часов, Влад успел развязать поясок на ее халате и зачем-то начал рассматривать растяжки после беременности на ее животе. Их было не так уж и много конечно, но все равно, от них никуда не деться, ведь это естественный процесс. Но Маше в этот момент почему-то стало безумно стыдно. И еле заметные бороздочки на ее животе, на кото-

рые она и внимания давно не обращала, показались ей сейчас невероятно уродливыми шрамами. Да и спортивной Маша тоже никогда не была. Так, чуть-чуть после беременности позанималась дома шейпингом, чтобы подтянуть мышцы живота, и не распускать себя, и на этом успокоилась. А в последние годы, она просто старалась не увлекаться сладким, жирным и мучным, так как на спорт катастрофически не хватало времени.

Маша сама того не замечая под пристальным взглядом Лисовского начала краснеть. А этот невыносимый тип уже перешел на ее бедра, повернул боком, потом другим. Все же тот первый осмотр, что он сделал пару часов назад, не был таким доскональным, будто Влад торопился. Зато сейчас, он, похоже, уладил все свои дела и решил более тщательно ее рассмотреть?

Черт… все же она уже ни девочка давно, у нее и кое-где целлюлит на ногах начал появляться, Маша следила за своей кожей, использовала разные крема, и если на пляже издалека, то не особо и заметно было. Но вот сейчас Влад так тщательно разглядывал ее тело, что не заметить подобных изъянов было просто невозможно.

А Маша в этот момент даже сама от себя, не ожидая, все сильнее и сильнее заливалась краской смущения, и уже не только ее щеки, но и все лицо, шея и кажется, все тело начало пылать красным цветом. А каждое прикосновение Влада, отдаваться странными почти обжигающими покалываниями,

которые наглым образом почему-то устремлялись в низ ее живота и оставались там, разрастаясь в маленькое солнышко.

Ей как в далеком детстве вновь захотелось спрятаться куда-нибудь от его рук, от его пристального взгляда и в то же время, застонать от волны ощущений, что медленно захватывала ее.

Вот только, Маша прекрасно помнила и то, что происходило на следующий день, после всех этих волнующих прикосновений. Влад опять превращался в чудовище, заставляющее ее страдать. И именно поэтому она и возненавидела себя, ведь Маша не могла дать отпор тогда, и не может дать отпор сейчас. Ее чертово похотливое тело, предает ее… Даже не взирая на то, что она ненавидела сейчас Лисовского лютой ненавистью… даже не взирая на то, что он сделал с ней и ее семьей… она, как и в далеком детстве млела и краснела от его прикосновений, и желала большего…

А ведь сейчас даже маленькой Машки не было, и свалить всю вину было совершенно не на кого.

Черт, да что же это с ней такое?

Как?! Как она может после все того, что случилось все это чувствовать? После всего того, что Влад сделал!?

Он ведь бросил ее на произвол судьбы там, на том приеме. Он бросил ее и позволил своему врагу увезти ее к себе домой, да еще и когда она была так беззащитна. В момент, когда ее скрутил очередной приступ. И ей самой пришлось

выбираться из дома этого дракона Солейко. Кто знает, вдруг он бы не отпустил ее, вдруг он бы из-за ненависти к Владу отыгрался бы на ней?

А Лисовский, как ни в чем не бывало, приехал к ней домой, скомандовал ей быстро собираться, будто она не человек, а собака или просто личное имущество, и вот сейчас, хозяин рассматривает свое имущество более пристально на предмет повреждений?

Получается так?

Стыд и возбуждение резко сошли на нет. Зато волна гневного возмущения, и негодования начала подниматься из глубины ее души да с такой скоростью и силой, что рисковала выплеснуться сейчас, как цунами на Японские острова.

Нет, Маша прекрасно понимала, что не имеет права злиться. Во-первых, Влад такой, какой есть и его ни что не изменит, для него все вокруг всегда были не люди, а лишь средства для получения его выгоды или удовлетворения потребностей. Во-вторых, она вообще для него практически враг. Ведь ее муж нанес ему громадный ущерб, учитывая то, как сладко улыбался Солейко, когда рассказывал, что благодаря Сережкиной информации ему удалось выиграть государственный конкурс.

Все это она прекрасно понимала умом… но сердце… ныло от несправедливости, и обиды…

Он оставил ее там совсем одну, бросил, позволил этому старому подонку увезти ее домой… Подверг опасности… и

даже не то, что не извинился, он слова доброго ей не сказал, и как ни в чем не бывало, крутит ее как какую-то вещь в руках, или игрушку, что давал на время поиграться другу, проверяя, не повредил ли он ее случайно?

Маша застыла в руках ничего не подозревающего о ее мыслях Влада, который с каким-то странным упоением разглядывал каждую мелочь на ее теле. И когда его пальцы поползли вниз, медленно но верно пробираясь к внутренней стороне Машиных бедер, ее нервы сдали…

Маша взмахнула рукой и со всей силы хлестанула ладонью Влада по лицу. Удар получился такой хлесткий и сильный, что Лисовский чуть было, не упал на кровать, Маше показалось, что он еле удержался в самый последний момент.

Но это не смутило ее, и ей показалось, что ему мало!

И Маша, наставив на ошеломленного Влада палец, с гневными нотками в голосе начала выговаривать ему:

– Да как ты смеешь, так со мной обращаться?! Мало того, что бросил меня абсолютно одну среди этих ужасных картин, так еще и позволил своему врагу увезти к себе домой, когда я была без сознания! А теперь, не только не извинился, так еще осматриваешь, как будто я не человек, а игрушка какая-то, которую ты на время дал поиграть другу! Ты даже не представляешь, что я там испытала! Чего я наслушалась от Солейкой! И чего мне стоило не сорваться на него, за то, что он говорил о тебе! – она перевела дыхание и, набрав воздух в легкие еще громче прежнего практически закричала: –

Я ненавижу ваши игры! Ненавижу всех этих твоих друзей, чего бы вы там не придумали! И я не собираюсь быть пешкой в вашей игре! Слышишь, не собираюсь!

Стоило ей высказать все эти слова Лисовскому, как Маша сразу же почувствовала обжигающую боль в собственной руке…. Она с недоумением сжала свою ладонь другой рукой, и начала ее растирать пальцами, пытаясь сообразить, почему ей так больно. И память сразу же услужливо подкинула ей воспоминание о том, как она несколько секунд назад залепила пощечину Владу.

Эмоции как стеклышки в калейдоскопе закружились в Машиной душе. Сначала она ощутила триумф, и даже легкую эйфорию, ведь она впервые в своей жизни дала отпор Лисовскому, она впервые в своей жизни осмелилась его ударить. Но на смену триумфу мгновенно пришла растерянность: как же это, за что она собственно его ударила? Ведь у них же вообще-то контракт, и Маша обязана была флиртовать с Солейко. И сразу же после этих мыслей, когда Влад очень медленно поднял на нее свои глаза с расширившимися от удивления зрачками, так что те практически всю радужку затемнили, то на смену растерянности пришел страх… дикий, всепоглощающий страх…

«Она… ударила… самого… Лисовского…», – набатом прозвучало в ее голове, словно приговор.

Маша прижала ноющую палящей болью ладонь ко рту, чтобы заглушить рвущийся изо рта нервный смешок.

– Что же я наделала, – еле слышно прошептала она, и очень медленно сделала пару шагов назад от Лисовского, а затем так же медленно завязала поясок на халате.

В это время Влад с удивлением так и продолжал смотреть на Машу. Он еще не успел отойти от ее выходки. Ведь на его памяти, рыжая ведьма была первой женщиной посмевшей поднять на него руку. И поэтому Влад, пока еще даже не знал, как относится к ее поступку. Но стоило ему пошевелиться, чтобы переменить позу для более удобного размышления над тем – что произошло, как Машу накрыло паническим ужасом.

«Он меня сейчас убьет!» – пронеслось в ее голове.

Она взвизгнула и рванула к двери. Чертова комната была слишком большой, и ей казалось, что добежать до выхода она так и не успеет, и самое страшное, что возможно дверь вообще могла быть закрыта на замок.

Но Влад ведь не ожидал, что Маша способна на подобный поступок, он какое-то время так и продолжал сидеть и с удивлением потирать ладонью место удара, осмысливая ее обвинения.

И поэтому Маша все же успела добежать до двери, и, открыв ее, рвануть в коридор. Правда она понятия не имела, куда она сбежит от Лисовского в его собственном доме. Но в тот момент, паника настолько завладела всем ее сознанием, что единственное, о чем Маша могла сейчас думать, так это о том, чтобы как можно дальше убежать от Влада.

Все еще ошарашенный поведением рыжей бестии, Лисовский выбежал из комнаты вслед за ней. Он увидел, как девушка добежала до конца коридора к лестнице, и тут же окрикнул ее по имени.

Но услышав его голос, вместо того, чтобы остановиться, Маша, наоборот, с еще большей скоростью рванула вниз по лестнице.

«Как бы ни совершила каких-нибудь глупостей», – с тревогой подумал Влад и побежал вслед за сбежавшей фурией.

Его лицо до сих пор горело от удара. Влад конечно, впервые мгновения разозлился на ведьму, но когда она начала выговаривать ему свою обиду, то злость сменилась на удивление, а следом опять вернулась вина. Но Лисовский скорее испытывал вину не перед рыжей ведьмой, а перед самим собой. Ведь это он мог потерять ее, а не она погибнуть.

Но как ни крути, Маша была права – Влад бросил ее, и Солейко мог сделать с ней все что угодно, особенно после того, что случилось.

Влад, само собой, после этого, мог устроить войну, и наверняка бы победил. Но что случилось бы с Машей? Выжила бы она? Ведь тех исчезнувших девушек, что были раньше у Солейко, он так и не смог отыскать, хотя роет в этом направлении уже много лет.

Но… опять же, Влад не был идиотом. Он прекрасно понимал, что перед ним женщина, которая всегда будет его ненавидеть, ведь он силой заставил ее жить с ним. И Влад не ис-

пытывал иллюзий по поводу ее чувств к нему.

Однако, кое-что в ее словах, все же его задело. А именно та фраза, что она обронила в своей обвинительной речи. «… И чего мне стоило не сорваться на него, за то, что он говорил о тебе!» – промелькнули воспоминания о словах Маши в его голове.

Правда, Влад пока до конца еще сам не разобрался со всей этой информацией. Ему просто надо было сейчас остановить рыжую ведьму и спокойно обо всем подумать. И он быстрее побежал вниз по лестнице.

Маша выбежала, в холл и на ее пути попался охранник. Парень только что шел из тира, что находился в подвале. И он, вложив оружие в кобуру, забыл ее застегнуть. Да и не ожидал он, что ему навстречу выбежит в банном халате с нарисованными котиками, босиком, взъерошенная и напуганная девушка их работодателя.

Парень застыл на месте от неожиданности и непонимания ситуации. Толи ловить ее, толи позволить бежать дальше? Вдруг это какие-то игры хозяев между собой, а он сейчас вмешается, ведь приказов поймать беглянку не было?

И пока охранник размышлял, в растерянности глядя на приближающуюся к нему девушку, так как стоял у нее на дороге, то не сразу сообразил, что она сделала, но когда понял, то было уже поздно.

План возник на ходу, Маша увидела не застегнутую кобуру у охранника, и на всей скорости подбежав к нему, выхва-

тила пистолет и кинулась дальше к выходу.

В тот момент она даже не подумала, что босиком и что на улице должно быть очень холодно, да еще и дождь идет. Почему-то в голове билась лишь одна мысль подальше от Лисовского! А пистолет если что, поможет ей прорваться с боем из этого чертового особняка!

Ей опять повезло. Огромная входная дверь в особняк Лисовского не была заперта. И Маша, открыв ее, выбежала на улицу, и не задерживаясь не на мгновение, побежала в сторону ворот.

Она решила, угрожая оружием, вырваться за ворота особняка. А там она убежит и спрячется, куда-нибудь. Куда, она пока еще не придумала. Но стальная тяжесть в руках придавала ей сил и уверенности в том, что она не совершает ошибки.

В ушах шумел ветер, вперемешку с бухающим сердцем и тяжелым дыханием, пока она бежала до ворот, и поэтому Маша не сразу поняла, что звучат какие-то глухие удары, раздающиеся рядом с ее ногами, шлепающими по мокрому асфальту, а затем чей-то очень злой крик: «Не стрелять!»

«Господи, в меня стреляют?!» – пронеслось в ее голове понимание, и это подстегнуло ее увеличить скорость в разы.

Взгляд Маши выхватил встрепенувшихся мужчин у ворот, которые начали хвататься за кобуру, и вытаскивать свое оружие.

Маша резко затормозила и, сняв пистолет с предохрани-

теля, и наставила оружие на одного из мужчин.

– Немедленно выпустите меня! – закричала она во все горло, так как боялась, что не сможет издать и звука, из-за того, что запыхалась, но охранники и не подумали даже с места сдвинуться, и тогда Маша передернула затвор, показывая тем самым, что умеет пользоваться оружием, и еще громче добавила, подкрепляя свою угрозу гневным взглядом: – Иначе я выстрелю!

– Не стрелять! – услышала она сзади громкий голос Влада, и с ужасом кинулась резко в сторону, обманув тем самым охранников, которые решили, что она побежит не к воротам, а к стене, и побежали туда, но Маша тут же сменила траекторию своего бега и кинулась к открытой калитке.

Еще бы несколько мгновений и она успела бы протиснуться, но прямо перед ее носом, автоматическая дверь закрылась. И Маша чуть не врезалась в нее, еле затормозив, и ощутив боль от мелких камушков в голых ступнях.

Она резко бросила взгляд через большое окно в пропускном пункте – небольшом домике для охраны у ворот, и чуть в голос не застонала, от досады. Оказывается один из мужчин остался внутри и успел закрыть калитку.

Маша развернулась, прижавшись спиной к холодной железной двери.

Ее сердце готово было вырваться из груди. Она начала оглядываться по сторонам и с ужасом поняла, что из дома вывалило целая куча народу. Маша и не подозревала, что вся

эта толпа здоровых мужиков шкафообразного вида, живут в доме Лисовского. А вот сейчас, когда все они окружили ее, то ощутила, насколько глупым и необдуманным был ее поступок. Да они же живого места от нее не оставят, стоит Владу сейчас дать им команду – «фас».

– Всем стоять и никому не двигаться! Не стрелять! – опять услышала она громкий приказ Влада и невольно взглянула на него.

Он тоже был легко одет. В одних домашних спортивных штанах, низко висящих на бедрах, в тапочках и наспех накинутой куртке.

В руках Лисовского не было оружие.

– Всем сделать несколько шагов назад! – опять громко крикнул он, – убрать оружие!

– Влад, – тихо одернул его Герман, стоящий рядом с ним.

– Не лезь, я сам разберусь, – рыкнул Влад не смотря на своего начальника СБ, который стоял чуть впереди него и не собирался убирать оружие и отступать.

Маша тут же перевела взгляд на начальника службы безопасности, и автоматически наставила на него оружие.

Она крепко держала пистолет двумя руками и старалась управлять им синхронно со своим взглядом.

Как только все мужчины медленно опустили оружие, и отошли немного назад, Влад выставил обе ладони вперед и начал медленно приближаться к Маше.

– Маша, прекрати сходить с ума. Брось пистолет.

– Не подходи! – закричала от страха Маша и наставила пистолет на него. – Выпусти меня, я хочу отсюда уйти!

– В халате, босиком? Ты бы хоть оделась сначала? – таким же тихим голосом сказал Влад и все равно продолжал приближаться.

И Маша резко подняла пистолет вверх и сделала предупредительный выстрел, показывая тем самым, что умеет стрелять, а затем опять наставила его на Влада.

– Я сказала, не смей ко мне приближаться, иначе я выстрелю!

– Маша, успокойся! Если ты не дай бог попадешь в меня, то тебя сразу же убьют! Не надо делать глупостей!

– Плевать! – громко закричала она, чувствуя, как немеют от холода ноги, но сдаваться не собиралась. – Я устала! Какая разница кто меня убьет ты, или твой очередной компаньон, под которого ты решишь меня подложить, играя с ним в свои непонятные игры! Лучше рискнуть, чем опять трястись от страха в незнакомом доме! Или бояться тебя и твоего очередного взрыва!

– Маша, – тихим успокаивающим голосом заговорил Влад, – это случайность, я не собирался подкладывать тебя под кого либо. Ты же помнишь, мы разговаривали с тобой, я говорил, что тебе нужно просто привлечь внимание, не больше.

От наглой лжи Лисовского, Машин страх притупился, а обида вернулась с прежней силой, и не выдержав, она вновь

громко начала выкрикивать обвинения:

– Ты бросил меня! Ты бросил меня совсем одну, когда я была в таком ужасном состоянии! Я испугалась, мне пришлось столько выслушать от него, столько отвратительных вещей! И ты даже не извинился передом мной. А затем, как какую-то вещь, осматривал. Будто другу дал поиграть, а потом проверял, не оставил ли друг царапин! Я человек! Я не вещь! Мной нельзя играть, меня нельзя продавать или покупать! Я человек слышишь! – захлебываясь от переизбытка чувств, затараторила она, стараясь вывернуть на Влада все свои накопившиеся эмоции.

– Маша, тебя никто не продавал никому! – перебил ее Влад, желая прервать поток обвинений, и прекратить весь этот балаган.

– Он сказал, что купит у тебя мой контракт! Он сказал, что купит меня! – Маша не выдержала и всхлипнула, чувствуя, что не в силах совладать с ситуацией.

– Нет, Маша, это он специально тебе говорил, все не так, неужели ты не понимаешь, что он просто играл с тобой, на твоих чувствах.

– Мария Николаевна, – вдруг вмешался Герман, и Маша перевела взгляд на него. – Владислава Викторовича специально задержали на аукционе, чтобы Солейко успел вас увести, а охранников, которые контролировали выход и должны были, если что, доставить вас домой, усыпили. Все что случилось, это был заговор, Влада чуть не убили там, на том

аукционе, его предали, понимаете, он не виноват в том, что случилось с вами!

Маша с удивлением перевела взгляд на Лисовского.

– Это правда?

Влад бросил злой взгляд на Германа.

– Маша, какая разница, правда, это или нет, – тихо сказал он ей, – давай ты опустишь оружие, мы вернемся в дом и нормально поговорим. Ты же простудишься. На улице всего плюс десять градусов. Маша не глупи…

– Это правда? Тебя чуть не убили, а Солейко специально все это затеял? Он специально выкрал меня? И ты не собирался меня ему продавать? – опять повторила она свой вопрос, вглядываясь в лицо Влада и пытаясь понять, правду ей сейчас говорят или просто пытаются успокоить?

Влад невольно опустил свой взгляд, ему не хотелось, чтобы Маша все это узнала, это был его личный прокол, ему было стыдно за то, что случилось, а Герман все это рассказал.

– Правда?! – еще громче крикнула Маша, и все же опустила пистолет.

Но в этот момент, кто-то невидимый ее взгляду резко выбил оружие из ее руки точным ударом, и, Маша, от неожиданности, метнулась в другую сторону, но на ее пути появился Влад. Он мгновенно каким-то хитрым приемом сбил ее с ног, и, не дав ее телу коснуться земли, подхватил на руки, и прижал к себе с силой.

Оказывается, один из охранников умудрился очень близ-

ко подобраться к ней, пока она разговаривала с Лисовским.

Маша попыталась вывернуться из его рук от дикой паники, накатившей на нее. Она вспомнила тот самый подвал, и поняла, что не за что на свете не желает больше оказаться в этом страшном чистилище, и начала выворачиваться из рук Влада, осыпая его градом ударов.

Влад еле удерживая ее в руках, закричал Герману:

– Быстро медсестру зови! Пусть вколет ей какое-нибудь успокоительное!

Маша так и продолжала пытаться вывернуться, но Влад с такой силой сжал ее в руках, что у нее кости затрещали, а дышать совсем стало нечем. И тогда она решила попытаться уговорить его:

– Влад, пожалуйста, я не хочу в подвал, не надо, Влад, хватит, отпусти, меня, отпусти,… хватит! – захрипела она, стараясь поймать его взгляд.

– Маша, успокойся, не будет никакого подвала, тебе нужно согреться и успокоиться, Герман! Где медсестра?!

Из-за панического страха, до Маши не сразу дошло, что сказал Влад, и она с удвоенной силой начала сопротивляться.

Влад со всей силой встряхнул ее, так что у Маши зубы клацнули и в ушах зазвенело.

– Твою мать! Успокойся! Не будет никакого подвала! – зарычал Влад, опять с силой сдавил ее, – Герман, где тебя носит! Давай уже какой-нибудь укол!

До Маши наконец-то дошло, что говорит Влад, и она замерла в его руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.